

КОНЦЕПТ «ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА»: РУССКАЯ И ВОСТОЧНЫЕ ВЕРСИИ

Восточные культуры имеют древние традиции и богаты прозрениями, которые перекликаются с открытиями, сделанными в европейских культурах, в частности, в русской. Особый интерес представляют те случаи, когда эти прозрения на много веков предшествуют достижениям европейцев. Один из наиболее характерных примеров такой переклички – догадка о «лишнем человеке», встречающаяся в еврейской, китайской и японской культурах.

В концепте «лишнего человека» смоделирован внутренний мир и телесный облик представителя этого антропологического (и литературного) типа, а также комплекс его социальных отношений. Как известно, тип «лишнего» был запечатлен в XIX веке в классической русской литературе, первоначально в комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова, затем в романах «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова, «Отцы и дети» И. С. Тургенева. Внимание к этому типу было обусловлено тем, что важнейшей функцией литературы, определяющей ее уровень, является постижение человека, или, метафорически говоря, его познание при помощи словесных образов.

Антропологический тип и тип социальных отношений человека определяется его стратегической мотивацией, показателем которой выступает доминирующий способ оперирования информацией – при помощи вербализованной психики либо сознания, обуславливающий, соответственно, цель существования, или смысл жизни – ради удовлетворения витальных либо познавательных (духовных) потребностей.

Человеческий тип, смысл жизни которого состоит в удовлетворении исключительно витальных потребностей (потребностей выживания, жизнеобеспечения), – обыватель (индивид). Ведущую роль во внутреннем мире обывателей играет вербализованная психика, вследствие чего они не дифференцируют психику и сознание, и руководствуются в своей жизнедеятельности не разумом, а идеологиями – облеченными в интеллектуализированную форму архетипами (коллективным бессознательным).

Способностью к познанию и тем самым к осуществлению не только индивидуального, но и общечеловеческого смысла жизни, обладает антропологический тип философа (личности). Он возникает в обывательской среде вследствие качественных изменений обывательского типа, сущность которых состоит в переходе от вербализованной психики к сознанию как стратегическому способу оперирования информацией. Иначе говоря, философ – это обладающий сознанием (разумом) обыватель.

Отношения философов с обывателями детерминированы

противоречием между сознанием и психикой. Контакт с социумом наглядно убеждает философа в том, что он «лишний». Само его существование конфликтно, потому что воспринимается обывателями как укор в духовной неполноценности. Однако они не склонны видеть в этом укор стимул к самосовершенствованию, поскольку воспринимают идеи через форму их подачи, а философа – со стороны его психического и телесного облика. Поэтому стараются вытолкнуть своего антагониста, насколько возможно, за пределы социума, в бездну одиночества.

Обыватели являются индивидами, а не личностями. Их внутренний мир и продуцируемые ими отношения социоцентричны, т. е. обусловлены совместным началом, организуемым архетипами (коллективным бессознательным). По сравнению с философами обыватели духовно ничтожны и знают об этом, вследствие чего душевный комфорт обретают лишь среди себе подобных, при моральной поддержке социума. Постоянно пребывая в униженном положении, ничтожество использует унижение в качестве основного средства выживания в социуме; другими словами, стратегической целью обывателей выступает психическое доминирование, которое выражает сущность власти.

В духовном арсенале человечества тип философа является высшим. Воплотить его – задача предельной сложности для писателей. Она оказалась под силу классической русской литературе. Ее взлету в XIX столетии способствовало соединение западноевропейского рационализма с восточнославянской созерцательностью, воспринятой из отечественной православной традиции. Таким образом, классическая русская литература возникла на стыке культур. Ее лидерство состоялось благодаря тому, что русские писатели XIX века, пусть с неизбежной неполнотой и отдельными неточностями, смоделировали высший (философский) тип человека в его отношениях с социумом. Как художники, они не могли писать только или преимущественно о сознании: ведь искусство говорит языком образов, которые продуцируются вербализованной психикой. Но, поскольку содержательное богатство образов определяется степенью присутствия в них сознательного начала, прогрессивное развитие литературы шло по вектору освоения ею философского антропологического типа.

С наибольшей полнотой высший человеческий тип воплощен в «лишнем человеке». Этот термин акцентирует внимание на трагизме бытования философа в социуме. Эмоциональное состояние «лишнего человека», которое передавалось формулой «горе от ума», переживали Грибоедовский Чацкий, пушкинский Онегин, лермонтовский Печорин, тургеневский Базаров. В XIX веке «лишних людей» не было ни в России, ни за ее пределами, но присутствовали отдельные черты этого типа, а также предпосылки к его возникновению, воспринятые Грибоедовым, Пушкиным, Лермонтовым и Тургеневым и сфокусированные в законченную картину их

художнической интуицией. Это означало, что появилась социальная потребность в высшем человеческом типе и, следовательно, изгойский статус «лишних» не абсолютен. Создатели «Горя от ума», «Евгения Онегина», «Героя нашего времени», «Отцов и детей», пусть с разной степенью успешности, воспроизвели духовный мир «лишних», создающий реальную альтернативу обывательщине. Носителями высших духовных ценностей, хотя и с неизбежными оговорками, были провозглашены люди элитарного плана – личности, которые обладали способностью сознательно, самостоятельно и продуктивно формировать свой внутренний мир и действовать на этой основе, тем самым создавая базу для формирования персонцентрического социума.

Быть «лишним» на практике означает не столько привилегию духовного лидерства, сколько бремя тотального непонимания. Окружающие, включая самых близких, не понимают и никогда не поймут представителя высшего антропологического типа. Более того, они будут видеть в нем смутьяна, т. е. бунтовщика либо сумасшедшего, и пресекать любые его попытки добиться понимания. Не удивительно поэтому, что в лучших произведениях классической русской литературы «лишние» были отвергнуты и наказаны: Чацкий изгнан из Москвы, Онегин покинул Петербург «в минуту, злую для него» [1, с. 162], Печорин умер, возвращаясь из Персии, Базаров расстался с жизнью еще нелепее, заразившись при вскрытии трупа.

Были ли названные персонажи монстрами, которые заслужили выпавшей на их долю кары? Ответ на этот вопрос зависит от понимания стратегической мотивации «лишнего человека». «Лишних» можно уличать в общественной бесполезности (одновременно лукаво обходя вопрос о пользе, приносимой фамусовыми, скалозубами, молчаливыми и их бесчисленными подобиями), клеймить за эгоизм, душевную черствость, жестокость. Однако такой подход в лучшем случае поможет указать на симптомы, а не на причины «странности» «лишних людей». Поэтому будем исходить из того, что тип «лишнего» является в первую очередь духовным и только потом – социальным и психологическим типом. Стержень его личности – разумная, сознательная регуляция жизнедеятельности, недоступная для тех, кто руководствуется вербализованной психикой, и категорически отвергаемая ими.

Таковы основные достижения в разработке концепта «лишнего человека» в классической русской литературе. Теперь обратим внимание на его предшествование в восточных культурах. Сразу оговоримся: при анализе русской и восточных версий «лишнего» нас интересуют не национальные, а духовные различия.

Прежде всего обратимся к Ветхому Завету. В книге библейского канона Экклесиаст, предположительно датированной IV в. до н. э., чертами «лишнего человека» наделен повествователь-мудрец. Безусловно, о том

«лишнем», который нам известен из русской литературы, речь здесь не идет. Библейский мудрец верует в Бога, которого считает главной и абсолютной гносеологической инстанцией, а также указывает на ограниченность познавательных возможностей человека:

Я понял задачу, которую Бог дал решать сынам человека:

Все он сделал прекрасным в свой срок,
Даже вечность вложил им в сердце, –
Но чтоб дела, творимые Богом,
От начала до конца не мог постичь человек.

[цит. по: 2, с. 342]

Как видим, приоритет получила «идея неизъяснимости Бога, неисповедимости Его путей и решений...» [2, с. 341]. Такое представление об универсуме обнаруживает вопиющее несоответствие мировоззренческим установкам «лишнего человека». Однако когда библейский мудрец переходит от божественного к человеческому, он отчетливо обрисовывает хорошо знакомое ему состояние, аналог которого по прошествии многих столетий будет воспроизведен через ситуацию «горе от ума». «Сердце мудрых в доме плача», «от многой мудрости много скорби», «умножающий знанье умножает печаль» [цит. по: 2, с. 341] – максимы, указывающие на конфликт героя с миром, хотя в них экзистенциальный аспект этого противоречия не отрефлектирован и даже не развернут в социальную плоскость, а подан в виде вывода.

О глубокой укорененности в еврейской традиции проблем, которые имеют непосредственное отношение к концепту «лишнего», свидетельствует духовный опыт средневекового философа Рамбама (Моше Бен Маймона). Его рассуждения отмечены гениальными догадками о высочайшей культурной ценности «лишнего человека» и о возможности положительных социальных перспектив для него. В частности, Рамбам говорит: «... я не вижу другого пути научить истине, кроме как доставив удовольствие одному мыслящему человеку и расстроив десять тысяч дураков, я предпочитаю обращаться к одному человеку и не замечать осуждения толпы» [цит. по: 3, с. 441].

В китайской притче о Лун Шу и врачевателе Вэнь Чжи, приведенной в книге Ле Цзы, налицо признаки персоноцентризма, конфликта «лишнего человека» с социумом и ситуации «горе от ума». Подобно грибоедовскому Чацкому и лермонтовскому Печорину в минуты их душевной слабости, Лун Шу воспринимает свое отношение к себе и к миру как изъян, точнее, как болезнь. Перечисляя симптомы своего недуга, он демонстрирует черты мировоззрения и личности, которые спустя много веков окажутся присущими «лишним» в классической русской литературе: «Я не считаю для себя почетом, если в округе меня хвалят, и не считаю позором для себя,

если все люди в царстве осуждают меня. Я не радуюсь, если достигаю успеха, и не переживаю, если терплю неудачу. Я равнодушно взираю на жизнь и смерть, богатство и бедность, на людей и свиней, на себя и других. В родном доме живу как на постоялом дворе, на соседей смотрю как на дикарей из дальних стран. Меня нельзя прельстить чином или наградой, нельзя запугать наказанием и поборами, нельзя изменить благодеянием или смутой, выгодой или убытком, нельзя взволновать радостями и печалью. Из-за этого я не могу служить государю, ладить с родственниками и друзьями, наставлять жену и детей, повелевать слугами. Что это за болезнь?» [4, с. 330].

Лейтмотивом приведенной цитаты выступает констатация того факта, что обладание разумом ставит личность не просто над социумом, но вне его. В этой связи любопытна фигура Вэнь Чжи. Его профессия предполагает публичность, тогда как по своему духовному статусу он – прототип «лишнего человека», вернее, даже «нового лишнего», поскольку мудрый врачеватель сумел преодолеть свою социальную отчужденность. Так китайская притча, появившаяся приблизительно во II в. до н. э., вступает в диалог с русской литературой XIX века.

Лун Шу признает духовное превосходство Вэнь Чжи над собой, обращаясь к нему за помощью и отмечая, что врачеватель «постиг все тонкости своего искусства» [4, с. 330]. Дистанцию между ними обозначает и сам Вэнь Чжи, когда утверждает, что Лун Шу «почти мудрец», т. е. не достиг предельной вершины и указывает на его заблуждение: отношение к мудрости как к болезни.

И все же в притче о Лун Шу и Вэнь Чжи имеются характерные детали, свидетельствующие о том, что эти персонажи не относятся к типу «лишних людей», а представляют собой их прообразы. Так, при всем его уме и глубокой конфликтности отношений с окружающими, Лун Шу по-обывательски социоцентричен и по-восточному лукав. Недостойно «лишнего» надеяться на разрешение своих проблем извне и сокрушаться о невозможности служить власти и повелевать людьми. Кроме того, Лун Шу не так невозмутим, как заявляет, стало быть, и не совсем правдив. Его озабоченность собственным состоянием разоблачительна и говорит о желании стать подобным человеческой массе, слиться с ней в хаосе коллективного бессознательного.

Мудрость Вэнь Чжи, если верить притче, состоит в наличии у него сверхъестественных способностей. Врачеватель велит Лун Шу «встать спиной к свету» и без промедления ставит диагноз: «...я вижу ваше сердце. Его пространство величиною с вершок совершенно пусто – вы почти мудрец! Шесть отверстий в вашем сердце соединены друг с другом, седьмое же закупорено. Не потому ли вы думаете, что быть мудрецом – это болезнь? Мое несовершенное искусство бессильно помочь вам» [4, с. 330]. В этих словах выражена убежденность в быстром и простом, фактически

волшебном, разрешении проблем высшей сложности – философских, а также присутствует синтез мистицизма с наивным материализмом, который свойствен языческому мировосприятию и, в частности, характерен для европейской античности.

Безусловно, и Экклесиаст, и притча о Лун Шу и Вэнь Чжи, и подобные им творения представляют собой выдающиеся образцы мудрости. Однако принципиально важным является то обстоятельство, что они существуют обособленно и растворяются в общем социоцентрическом контексте древних культур, в которых проблема «лишнего человека» не была разработана. Поэтому духовная значимость прозрений Древнего Востока могла быть по достоинству оценена лишь после того, как в русской культуре сформировалась полнокровная традиция, в рамках которой исследовался тип «лишнего человека».

Гениальные догадки, приведенные в Ветхом Завете и книге Ле Цзы, свидетельствует о том, что первоначально представление о «лишнем» существовало как архетип – порождение коллективного бессознательного. Следовательно, установить приоритет в этой сфере трудно и не слишком важно. И не удивительно, что прообраз «лишнего человека» является достоянием не только древнееврейской и древнекитайской культур. Например, известна японская притча о человеке-изгое среди людей-демонов, чьи лица в определенный момент становились круглыми и гладкими, как яйцо.

Присутствие в коллективном бессознательном архетипа «лишнего человека» – показатель подлинности, «невыдуманности» этого антропологического типа. Всякое его запечатление представляет собой шаг на пути к постижению духовности. Поэтому все предшества концепта «лишнего человека» необыкновенно ценны и по праву принадлежат к сокровищнице мировой культуры.